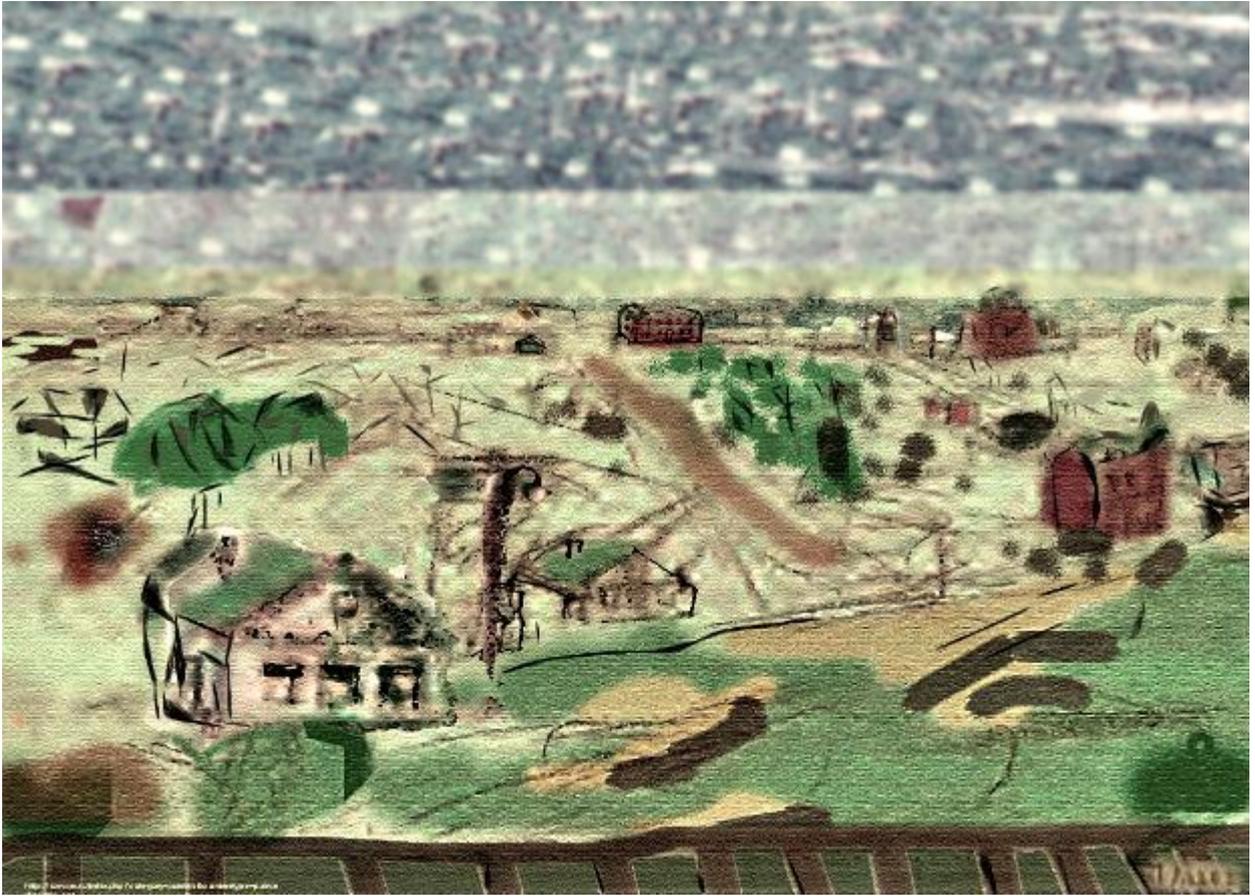

Владимир Александрович Петрушевский
(1891 – 1961 гг.)
Летний день в Хабаровске в 1906 году

Блестит на небе луч зарницы
Пурпурно-красной полосой,
В саду кричат, щебечут птицы,
Закаркал ворон молодой;
Собака где-то завывает,
Трубит пастушеский рожок
И тонкой струйкой вылетает
Из труб белеющий дымок.

Вот свиньи шумною толпою
В овраг к Чердымовке идут,
Там гуси стайей небольшою
Вниз по течению плывут;

В овраге, где течёт Плюснинка,
Какой-то тип мешок украл,
И с криком горестным – «Машинка!» –
За ним китаец побежал.

Сии амурские притоки
Имеют очень мало вод:
Через их бурливые потоки
Цыплёнок даже ходит вброд.

Вдали Хекцир покрыт туманом,
На берегу Амура люд
И, хоть ещё довольно рано,
Уж на базар купцы идут:
Китаец с длинною косою
Без бороды и без усов
И русский – с рыжей и большою
(Заведено так у купцов).

...

Трусит по улице извозчик
На паре кляч полуживых,
Китаец – уличный разносчик
Несёт фазанов двух больших.
Летит по площади Соборной
Какой-то маленький возок,
Мальчишка, парень презадорный,
Несёт «Хабаровский листок».

Спешит, других перегоняя,
Чиновник. Надо полагать,
Его судьба уже такая:
Нельзя на службу опоздать.
Стуча и шпорами и шашкой
За ним несётся офицер
С довольно заспанной мордашкой –
Так он на стрельбище летел.

Открылись лавки, магазины,
Пшюты-приказчики встают
И, покидая мезонины,
На службу медленно бредут.

Не обошлась ночь без скандала:
Мужик спяна фонарь разбил,
В слободке было три пожара
И сахалинец двух «пришил».

Так постепенно, мой читатель,
Наш град Хабаровск оживал;
Часов в двенадцать (о, Создатель!)
Последний обыватель встал.

На рысаке довольно скоро
Проехал важный генерал.
На всех смотрел он так сурово,
Как будто мир весь презирал.
...

По Муравьевской (центральная улица г. Хабаровска, в советский период носила имя Карла Маркса) гимназистки,
Кадеты, техники идут.

Все в сад к Амуру спешают,
Чтобы немного погулять:
Там часто музыка играет,
Без пыли можно подышать.
И хоть пародия большая –
Хабаровский наш славный сад,
Хоть далеко ему до рая,
Но ты ему, читатель, рад.

Вода в Амуре убывает,
Он очень сильно обмелел.
И пароходам угрожает
Сесть на' мель. Даже «Инженер»
И тот с опаскою большою
Гуляет тихо по реке;
Матросы, это я не скрою,
Сидят в базарном кабаке.

Жара на всех наводит скуку,
Всех сплин какой-то одолел;
Чтоб уничтожить эту муку
В Амур Хабаровск весь засел.

Под вечер вдруг жара спадает
И ветер начал продувать,
Чиновник службу прекращает
И по Большой (другое название улицы имени Н. Н. Муравьёва-Амурского на Средней горе) идёт гулять.

...

Вот ниже солнышко спустилось
И горизонт весь поалел,
В Хабаровске всё оживилось
И он совсем повеселел.

Весёлой, радостной толпою
Все на обрыв идут гулять,
В саду скамейки брались с бою,
И мне пришлось там постоять.

Тут много парочек ходило,
Был слышен шуток целый рой,
И как-то весело всем было
Теперь, вечернею порой.

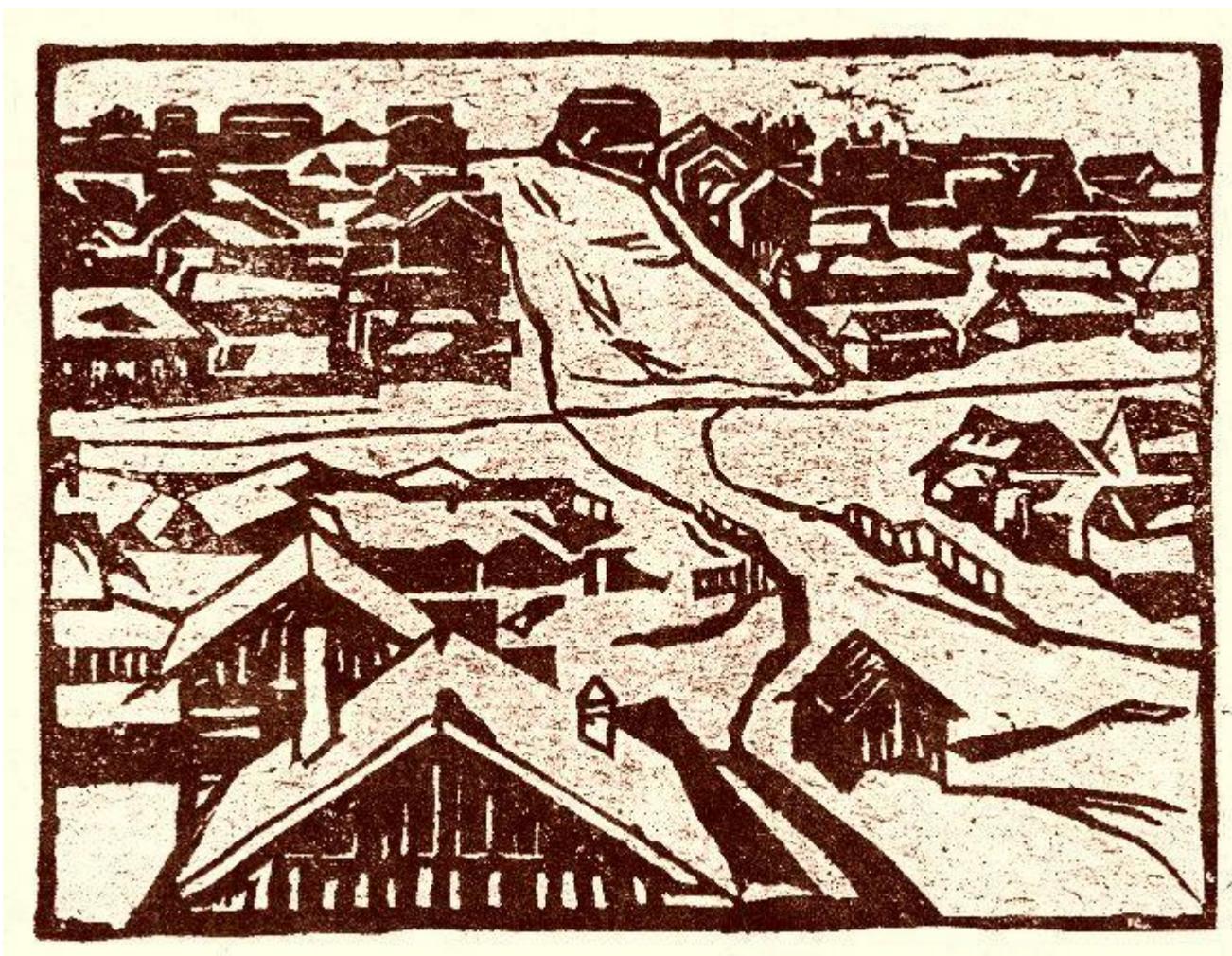

...

Взошла луна и свет сребристый
Наш град Хабаровск осветил.
А воздух свежий, воздух чистый
Вдруг всю природу освежил.

Лишь у «Владыки» в ресторане
Оркестр дамский не смолкал
Да в «Лондоне», кафе-шантане,
Огонь всю ночь не потухал.
И спит Хабаровск сном спокойным,
Всё отдыхает от забот.
Да сахалинец беспокойный
Ему покоя не даёт.

И страж спокойствия ночного
Сидит с поникшей головой:
Он ждёт пришествия другого –
Под гром стрельбы, собачий вой...
1906 г.

Машинка - искажённое «мошенник» (см., например, «Женьшень» М. Пришвина: «Он был очень хороший, честный человек и не хотел заниматься торговлей. Вместе с другими русскими китайцами любил говорить: «Каждый купеза (купец) непременно есть машинка (мошенник)».

«Хабаровский листок» - еженедельное периодическое издание (1907 – 1912 гг.) в Приамурской области.

Пшют (*устар.*) – пошляк, хлыщ.

Сахалинец – бывший или беглый каторжанин с соответствующим образом жизни и «понятиями».

На пятидесятилетие Амурского края.

Тихо, тихо кругом. Вся природа уж спит,
Вот на небо Луна выплывает.
И утёс, что у берега Амура стоит,
И Амур, и весь сад освещает.
Призадумался старый и мрачный утёс,
Загляделся в серебристые воды.
И роса появилась на нём вместо слёз...
Вспомнил, старый, минувшие годы.
«Было время, когда по тайге вековой
Орочёны да гольды гуляли,
Было время, когда в этот край золотой
Казачьи лишь порой наезжали.
И река, и вершины лесистые гор
Человека почти не видали,
И столетние кедры, что собраны в бор,
Только хищников крики слышали.
Много зверя ютилось здесь, в этих лесах,
Много рыбы в Амуре водилось,
И теперь предо мной, на моих же глазах
Перемена такая случилась.
Как кругом погляжу: города на реке,
Пароходы Амур рассекают,
И Хекцир, что стоит за рекой вдалеке
Много видит и слышит, и знает»...
Так подумал утёс. МонуMENT же сказал,
Объявляя: «Проходят все годы:
Я полвека назад этот край покорял,
Покорял и амурские воды.
И немало труда я тогда приложил,
Превратить чтобы край этот в русский,
Этим славу навек я себе заслужил
И название по праву – «Амурский».
Но вдали за рекою восток заалел
И туман над рекою сгустился;
МонуMENT замолчал: что поведать хотел,
Он утёсу поведать решился.
И Амур величаво и мощно катил
Свои волны одну за другою...
Так пятнадцатый день мая вдалеке отходил
Этой чудной и нежной весною.

1908 г.

Корпусу (На окончание Приамурского кадетского корпуса имени графа Н. Н. Муравьёва-Амурского).

Прощай навек, мой корпус милый!
В тебе я пробыл много лет.
И буду помнить до могилы,
Что я – хабаровский кадет.
В тебе все радости, невзгоды,
Расцвета жизни молодой.
И ты поверь, что эти годы
Я не забуду. Вот весной
Настал с тобою час прощанья,
Мой милый корпус дорогой.
Он горек так, как расставанье
С родной любимой семьей.
Желаю стать тебе великим,
Со славой родине служить
И на Востоке полудиком
Рассадником науки быть.

И пусть кадеты молодые
Полюбят Русь и царский дом,
Храня заветы корпусные,
Им служат доблестно потом.
Прими же, корпус, пожеланье,
Прими последний сей привет,
Который шлет в момент прощанья
Твой сын, хабаровский кадет.
1908 г.

Уссурийцы

Посвящаю родному войску.

На далёкой окраине России,
Где Амур протекает река,
Казачи поселились лихие
По примеру отца Ермака.
Разбрелись по притокам станицы,
На реке Уссури стали жить,
И с тех пор казаки-уссурийцы
Под знамёнами стали служить.
Было трудно. Прошло уж полвека,
Как впервые « гураны » пришли,
Как впервые в тайге человека
Звери дикие в страхе нашли;
Как впервые казацкие чёлны
Стали воды реки рассекать,
Уссури непокорные волны –

С казаками шалить и играть.
Было трудно служить на границе,
Край недавно ведь был покорён,
И опасность грозила станице
Очень часто со многих сторон.
Время шло. Наше войско родное
Крепло духом, мужало, росло
И, хотя и теперь молодое,
Всё же пользу Руси принесло.
Две войны (Боксёрское восстание и Русско-японскую войну) испытала граница,
Лихо дрался наш храбрый казак:
На папахе теперь уссурийца
Змейкой вьётся отличия знак.
Мало нас, но за правое дело
Умереть мы готовы всегда,
Наша слава уж Русь облетела
И теперь не умрёт никогда!
1909 г.

* * *

Если вспыхнет война, если тучи врагов
Ополчатся на Русь дорогую, -
Полетят им навстречу полки казаков,
Вспоминающих славу былую...

И на битву спеша, с грозным взором очей,
На призывы булатного звона, -
Полетят казаки из сибирских степей,
С берегов величавого Дона.

Оренбург, Астрахань, Семиречье, Урал,
Обратят на врагов свои жала,
И, врагу нанося беспощадный удар, -
Засверкают Кавказцев кинжалы...

И узнают враги, что такое казак,
Вспоминающий славу былую,
Что готовы погибнуть все сотни рубак
За царя и за Русь дорогую...
1911 г.

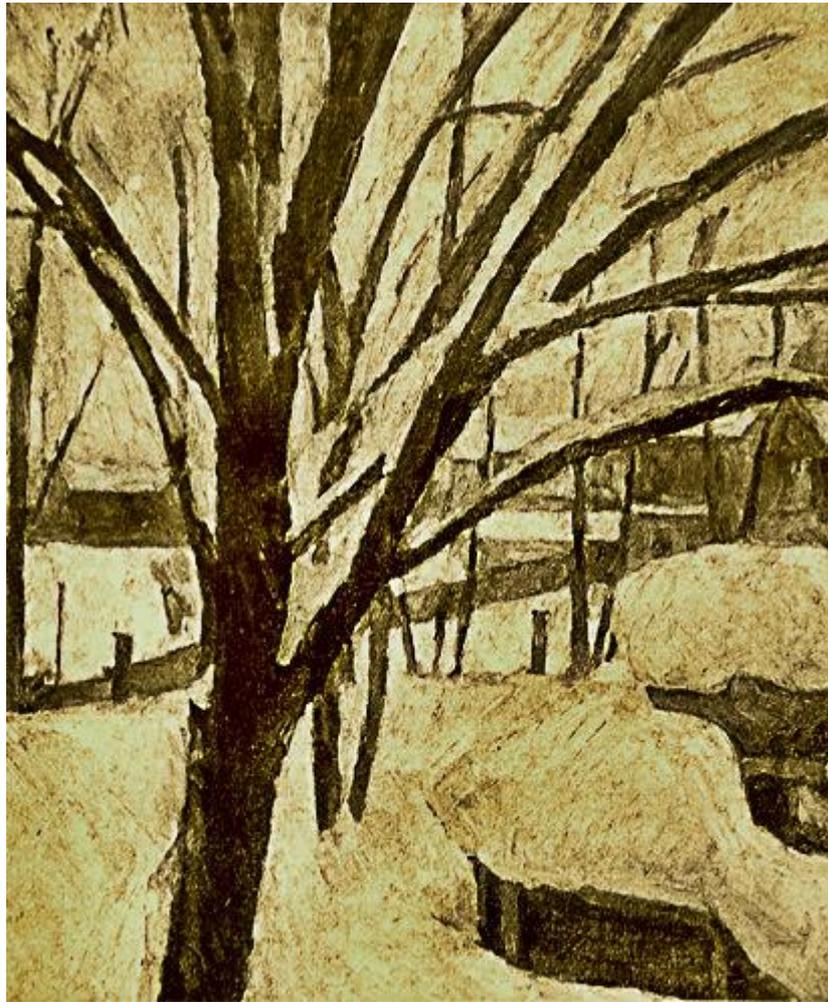
Столица

Чудный город, весёлые лица,
Шум моторов, трамваев, карет...
Всё как будто кругом веселится,
А взглядишься и скажешь, что нет:
Город чудный, но мало покрытых
Неподдельной весёлостью лиц,
Мало взглядов прямых и открытых,

Много наглых у « невских девиц» (т. е. стоящих на Невском проспекте Санкт-Петербурга девушек лёгкого поведения),
Мало праздных – все заняты делом,
Много бедных – и жён, и отцов,
А в тумане спустившемся сером
Видны бледные лица дельцов.
Много дивных дворцов-исполинов,
Много душных и грязных домов,
Монументов, церквей, магазинов
И театров, музеев, мостов.
Не найти здесь радушья простого,
Мало честных открытых людей,
Мало русского, мало родного,
Нет и воздуха свежих полей.
От заводов и фабрик различных
Едкий стелется дым без конца
И в садах вечно пыльных столичных
Кое-где лишь видна зеленца.
Этот город – приверженец беса,
В нём бушует страстей ураган,
И простёрся над ним, как завеса,
Грязно-серый и мокрый туман.
1911 г.

Октябрь.

Ты помнишь аллею, где часто гуляли;
Теперь мы не можем гулять.
Любовь здесь впервые мы оба узнали,
А я научился страдать.
Но осень настала и ветер сердитый
С деревьев покров весь сорвал.
В аллее, давно уже нами забытой,
Один он свободно гулял.
И грустные думы в уме проносились,
Мечта заменялась мечтой...
В саду же лишь вьюга осенняя злилась,
Быть может, ей скучно одной.
Быть может, ей жалко, что листья сухие
На мокрой аллее лежат,
Иль жалко весенние дни золотые?
Когда же они прилетят?
1911 г.

Детство

Посвящено Н. Т. Д.

Милые детские годы,
Сколько надежды и сил!..
Вы не боитесь невзгоды,
Царства холодных могил.
Жизнь для вас – полная чаша,
Солнце вам светит нежней...
Будь же ребёнком, Наташа,
Будь им до смерти своей.
Пусть твои чудные глазки
Вечно задором блестят,
Видит лишь светлые краски
Каждый твой брошенный взгляд.
1911 г.

Новый год.

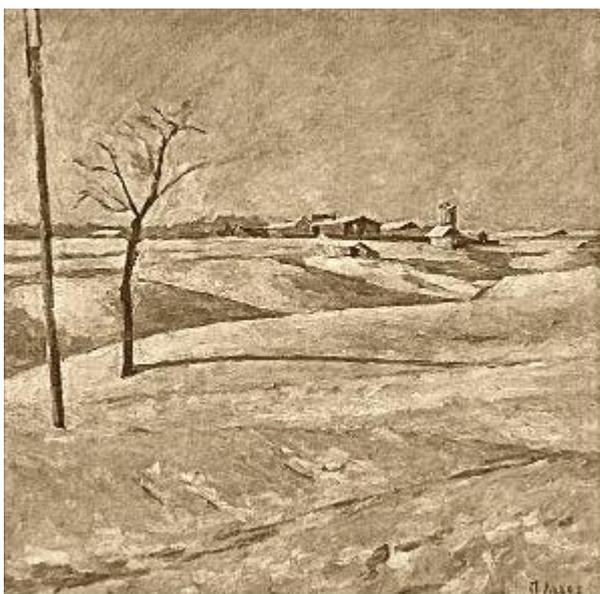
Пробило полночь. Последние звуки
Тонут в ночной тишине,
Канули в вечность... И слёзы разлуки
В бое слышались мне.
Год промелькнул и опять вереница

Новых потянется дней,
Новые встретятся люди и лица,
Серия новых идей;
Новыми будут и счастье, и горе,
Думы, надежды порой.
Бросятся в волны житейского моря
Люди беспечной толпой.
Только нужны и терпенье, и сила
Счастье ловить на волнах:
Эта приманка миллионы сгубила,
Многих низвергнула в прах.
Пусть же хоть старые счастье и силы
С нами останутся жить:
Если не сгубит сырая могила,
Сможем мы счастливы быть.
1912 г.

9 мая 1912 г.

Николаевскому кавалерийскому училищу.

Я пью за славу нашей школы,
За процветанье. Много лет
С Востока Дальнего чрез доли
Ей шлю сердечный свой привет.
Пусть над родным гнездом сверкает,
Сияя, славы ореол,
И ни пред кем не уступает
Наш Николаевский орёл!
1912 г.

Жене гусара

Ты, моя женка любимая,
Ты не сердись на меня,
Если тебя, ненаглядную,
Я променял на коня.
Помни — хотя и далеко ты,
В мыслях ты все же со мной,
Только гусару полезнее
Сабля и конь боевой.
В наше ли время тяжелое
Думать о нашей судьбе,
Если вся Русь необъятная
Стонет в великой борьбе?
Вот, когда солнце победное
Встанет над Русской землей,
Все мои думы и помыслы
Будут с любимой женой.
Ну, а пока, ненаглядная,
Ты не сердись на меня,
Если тебя, моя женушка,
Я променял на коня.
1914 г.

Памяти К. Н. Батюшкова

Погиб корнет, лихой рубака.
Он гордость Черных был Гусар,
Его последняя атака
Врагу тяжелый был удар.
Когда германскую пехоту
Он у Козян атаковал,
То изрубил без мала роту,
Но сам в бою неравном пал.
С ним был лишь взвод. За это дело
Его представили к кресту,
За то, что он исполнил смело
Свой долг и умер на посту.
За то, что он врагам не сдался,
Когда был ими окружен,
Как лев, отчаянно сражался
И был лишь смертью побежден.
Да, он погиб... Жена рыдает,
Не встанет он в бессмертный строй!
Погиб корнет, но Полк весь знает,
Что Костя Батюшков герой.

1915 г.

Корнету И. В. Жеребятьеву.

Спи, товарищ лихой, спи бессмертный корнет,
Без страданья, без боли от раны.
Ты был ранен с зарей, а угас ее свет —
Ты увидел надзвездные страны.
Полк биваком стоял у могилы твоей,
Все простились безмолвно с тобою
И стекала невольно слеза из очей
Так привычных к печали и бою.
Но поверь, дорогой, за тебя отомстят
Твои братья, лихие Гусары —
Твоей смерти врагу никогда не простят:
За удар он получит удары.

1915 г.

Новый 1918 г.

Год наступает голодный,
В центре России война,
Стонет от «власти народной»
Наша родная страна.
В зареве грозных пожаров
Тени шакалов снуют,
Дикие банды вандалов
Цепи России куют.
Подняли брата на брата
Вихри безумных идей,
Отдана щедрая плата
Замыслу кучки людей.
Грезы о счастье в тумане,
Стонет и плачет народ —
Он получил «на экране»
Хартию русских свобод.
1918 г.

* * *

Где Полк родной? Где Черные Гусары
И цел ли наш Георгиевский штандарт?
Нанес нам всем коварные удары
И погубил проклятый прошлый март.
Уже давно не блещут доломаны
И мне не встать в лихой бессмертный строй —
Допили мы, друзья, свои стаканы,
Вина уж нет — есть мыслей черный рой.
Прости, прощай на век, былое время,
Бессмертный Полк — ты, как мечта, исчез...
Теперь гусар не вложит ногу в стремя,

С коня давно он с болью в сердце слез.

1918 г.

* * *

Я верю в то, что цел наш Полк,
Что цел Штандарт — эмблема чести
И что врагов в минуту мести
Еще увидит старый шелк.
Я верю в то, что Полк родной,
Настанет время, вновь сберется,
Что песнь бессмертная зальется
И будут все друзья со мной.

1919 г.

Каппелевцы.

Мы шли чрез горные хребты,
Остатки армии спасая,
Шли за Байкал, в район Читы,
К границе старого Китая.
Ряды редели каждый час,
Остались только люди чести
И если мало было нас
То много было в сердце мести.
Болезнь преследовала нас
И паразиты заедали,
Мы шли вперед — был дан приказ
И долг мы свято исполняли.
Тайга, бураны и мороз
Смутить отважных не сумели.
Судьба дала нам мало роз,
Нас воспевали лишь метели.
Врагов железное кольцо
Пред нами уж не раз смыкалось
И смерть глядела нам в лицо,
Но счастье все же улыбалось.
Никто нам дружеской руки
Не протянул в момент печали
И нас везде сибиряки
Как дерзких пришлецов встречали,
Мы шли вперед и каждый час
Нам нес сомненья и тревоги...
Молитесь, близкие, за нас,
Чтоб Бог дал счастья нам в дороге.

1920 г.

Памяти государя Императора Николая Александровича

Спи, государь! Тебя добром помянет,
Благословит несчастный Твой народ,
Спи с твердой верою, что время то настанет,
Когда убийц Россия проклянет.
Прости же ей предсмертные все муки,
Обиды все прости и позабудь.
Смотри - она уж тянет к небу руки,
И бьет в тоске в свою больную грудь.
Смотри - она несчастная какая,
Как вся в огне горит Россия-мать,
Как вокруг нее волков собралась стая
И по частям стремится разорвать.
Прости же ее и спи, наш Царь, спокойно,
Пускай ничто Твой не тревожит прах,
А по Тебе, на целый мир достойно,
Мы тризну спразднуем на вражеских полях.
Верь, Русский Царь, за все придет расплата
И вспомнит мир про Русь, как было встарь,
Увидит вновь он Царского солдата...
Пока же - спи спокойно, Государь!

1921 г.

Памяти Государыни Императрицы Александры Федоровны

Как грешны мы перед Тобою,
Как мы должны Тебя любить?
Какой горячею слезою
Вину мы можем искупить?
Как про Тебя все дерзко лгали,
Как не могли Тебя понять,
Как в невозможном обвиняли
Царицу, женщину и мать!
Когда бы мы с пролитой кровью
И с мукой всех последних лет,
Могли к святому изголовью
Послать прощальный наш привет,
Просить, как милости, прощенья -
Простишь-ли Ты, Царица, нас
За клевету и оскорбленья,
За Свой последний в мире час?
О, да! Слезам Ты знаешь цену,
С душой кристальной чистоты

Ты нам позорную измену
Простишь с небесной высоты.
С Твоей терновою короной
Ты носишь святости печать
И нашей северной Мадонной
Судьба Тебе пророчить стать.
А Русь, сожженную средь леса
Ватагой каторжных убийц,
Тебя, Немецкая принцесса,
Почтит Царицей из Цариц.
1920 г.

России

Прости, Россия дорогая,
Голубка бедная моя,
Прости, тебя покинул я,
Чтоб здесь, душою изнывая,
Мечтать и думать лишь о том,
Как я вернусь к тебе потом.
Я так люблю тебя, родная,
Что без тебя мне свет не мил
И здесь, среди земного рая,
Как без воды цветок, я хил.
Скажи, зачем мне пальмы эти,
К чему золотые эти сети
И олеандры, и банан,
И все красоты южных стран?
Здесь сердце знает только слезы.
Но верь, милее всех красот,
Милее лета круглый год
Мне о наши Русские морозы,
Сосна, береза, дуб и ель
И наша Русская метель.
Когда теперь я вспоминаю,
Какой была ты много лет,
Еще сильнее душой страдаю,
Что вижу ныне столько бед.
Поверь, тебя б я не оставил,
Когда бы знал, что снова ты
Распустишь вновь свои цветы,
Которые вне всяких правил
Сорвал безумный ураган,
Смял революции туман.
Какою ты была богатой,
Какою сильной и большой.
За что теперь такую платой

Ты искупаешь свой покой?
За что ты терпишь эти муки,
Когда-то грозный великан?
И тянут из соседних стран
К тебе завистливые руки
Твои друзья, чтоб что-нибудь
Вонзит в твою больную грудь.
Чтоб что-нибудь забрать скорее
Пока ты не окрепла вновь,
Чтоб сделать боль еще сильнее
И отравить сильнее кровь.
Но верьте, верьте, лицемеры,
Еще окрепнет наша Русь
И первый я за меч возьмусь
Чтоб доказать вам твердость веры.
В свою страну и в свой народ,
Чтоб знали вы, что Русь вперед
Еще продвинется далеко,
Что нету сил сломить поток,
Который шлет за валом вал,
Бурля и прыгая меж скал.
Орлы-стервятники! Забыли,
Что значит Русский богатырь,
Чем мы назад два века были
И как раздвинулися в ширь?
На мертвеца вы налетели,
Но Русь — ведь это труп живой;
Еще он справится с собой
И вновь поднимется с постели.
И вот тогда наступит час,
Когда «друзья» узнают нас.
Да, час придет, я верю в это,
Воскреснет Русский наш народ,
Пусть буду я на гранях света,
Но вмиг помчусь на пароход.
Пусть он везет меня скорее
Туда, на север, где мороз,
Где лес из сосен и берез,
Где каждый домик мне милее,
Чем здешний, но чужой дворец,
Где я увижу, наконец,
Народ родной, многострадальный,
Церквей услышу говор дальний,
Где, верю я, когда вернусь,
Разгонит солнце злые тучи
И снова сильной и могучей
Увижу я родную Русь.

1921 г.

Владивосток пал.

Корабли, корабли, корабли.
Сколько вас в безграничном просторе?
Это дети несчастной земли.
Уплывают в открытое море...
Пал последний родимый клочок,
Где трехцветное реяло знамя,
И надежду России — восток
Революции обняло пламя.
Пал последний российский этап,
Где еще охранялась святыня,
Белых нет на Руси уж солдат
И в руках коммунистов твердыня.
Над волнами спустился туман
И окутал он русские души...
«Курс держать, на Корею! В Гензан!»
Но дадут ли дойти им до суши?
Корабли, корабли, корабли.
Много вышло вас в синее море —
Это беженцы русской земли
На чужбину везут свое горе.

1922 г.

Сербии.

Я тебя не тогда полюбил,
Когда в скорбные русские годы
Твой народ у себя приютил
Моих братьев — изгоев свободы.
Я давно тебя стал уважать
За твой рыцарский дух паладина
И за то, что ты носишь печать
Бескорыстной души славянина.
Это было во время войны,
Когда в армии нашей народной
Дрались Сербии милой сыны,
Совершая поход бесподобный.
Когда пробил печальный наш час,
Когда крепко враги нас зажали
И все сразу оставили нас,
Только сербы одни поддержали.
Хоть мала была Сербская рать,

Да дышала к России любовью
И безропотно шла умирать,
Не торгуя пролитую кровью.
Я тебя не теперь полюбил,
А в сибирской тайге, под снегами,
Где дрались, выбиваясь из сил,
Твои дети с Руси палачами.

1922 г.

* * *

Нам некого винить — мы сами виноваты,
Что красная взошла над родиной заря,
Ведь это только часть заслуженной расплаты
За то, что своего мы предали Царя.
Мы были все тогда под власть гипноза
И козни дьявола казались правдой нам,
Цвети ж, благоухай, свободы дикой роза,
Но помин — кровь Царя зовет к небесам.
Когда же минет срок Божеского гнева,
Когда Господь простит заблудившийся народ,
Мы громко скажем тем, кто звал Россию влево:
«Вам в Палестину путь, а нам с царем вперед».

1922 г.

«Февраль и Март» — вы дети Сатаны
И внуки бабушек и дедов революций.
Народом вы давно осуждены,
Нам выносить не надо резолюций.
Мы знаем все. Господь нас спас не зря,
Не восхвалять пришли мы «достиженья»
Родителей законных «Октября»,
А указать на ваши преступленья.
«Кровавый Царь»... Кто так дерзнет сказать,
Вкусивши плод «великой и бескровной»?
Да, Он в крови, в крови Россия-мать,
Повсюду кровь, до паперти церковной!
Февраль и Март — вы смерть святой Руси,
Ее вы отдали, как жертву, на закланье.
Творец миров, не гневайся, спаси!
Верни Царя и прекрати страданья!

1922 г.

Полку родному 5-му Гусарскому Александрийскому Ее Величества

Проходят дни, проходят годы,

Давно исчез Бессмертный Полк,
Рукою верной в дни свободы
Священный где-то спрятан шелк.
Замолкли трубы и фанфары.
И голос бравых вахмистров —
Ея Величества Гусары
Не рвутся лихо на врагов.
Не реют в воздухе султаны,
Не слышно ржания коней,
Красой не блещут доломаны
Красой былых и славных дней.
Как будто все умчалось в Лету,
Годам былым возврата нет —
Судьбой разбросаны по свету
Гусар, полковник и корнет.
Но нет, придет пора иная,
Сомнений быть не может в том:
Семья сберется полковая
Под императорским орлом.
Перетерпев судьбы удары,
Окрепнет родина опять
И будут Черные Гусары
На месте прадедов стоять.

1923 г.

Их императорским, высочествам августейшим дочерям государя

От рук проклятых и ужасных
Погибнуть были вы должны,
Четыре девушки прекрасных,
Четыре русские княжны.
Одна была вина за вами:
Любовью к родине горя,
Ее вы были дочерями,
Как дщери русского царя.
Ваш взгляд молитвенно-лучистый,
Последний в жизни взгляд очей,
Сказал, что вы душою чистой
Простить сумели палачей.
Последний вздох... Утихли слезы...
Исчезла жизни суета...
Четыре царственные розы
Прошли чрез райские врата.
1923 г.

Россия (« Русскому сердцу ты только понятная»).

Русскому сердцу ты только понятная,
Милая родина-мать.
Пусть над тобою, страна необъятная,
Божья царит благодать.
Видела счастья ты дни и величия,
Видела много невзгод -
Все перенес, пережил без различия!
Русский великий народ.
Временем грозная, временем хилая,
Можно ль тебя разгадать?
Мы ж за тебя, наша родина милая,
Душу готовы отдать.
1924 г.

Молитва.

Господь Всемогущий! Ты слышишь рыдания,
Ты слышишь как стонет Твой бедный народ,
Ты видишь все горе, всю бездну страдания
И море, великое море невзгод.
Господь Всемогущий! Одна лишь дорога
К Тебе обратиться, Тебе я молюсь,
Прошу у Тебя, милосердный, немного -
Пусть снова воскреснет великая Русь.
Пусть снова, как в старые, добрые годы,
Без рабства, без крови, без чуждых оков,
Под властью монарха, без горькой свободы,
Россия увидит Твой Божий покров.
И нивы ее, бесконечные нивы,
Пусть также желтеют в июльские дни
И храмы, что ныне стоят сиротливы,
Пусть снова затеплят лампадок огни.

1925 г.

* * *

Если порою взгрустнется,
Ляжет на сердце печаль,
Дума стрелой понесется
К северу милому, вдаль.
Где вы, поля золотые
Богом забытой страны?
Кто погрузил вас, родные,
В эти печальные сны?
Сколько народа побито,
Пролило крови и слез?

Вся ты печалью повита
В прахе разрушенных грез...
Только и дышишь в надежде -
Воспрянет родная страна
И засверкает, как прежде,
В солнечном блеске она.
Темная ночь пронесется,
Снова заблещут кресты,
Божия милость прольется
С синих небес высоты.
Снова янтарною рожью
Пахарь наполнит гумно,
Снова по-русски, по-божьи,
Будет нам жить суждено.
1925 г.

Грусть

Я грущу и сжимается больно
Мое сердце при взгляде на Русь
И, как в прежнее время, неволью,
Я за старую саблю берусь.
Что висеть на стене тебе даром
И ржаветь в незнакомой стране?
Не пора-ли с Бессмертным Гусаром
Побывать еще раз на войне?
Не пора-ли коня вороного
Оседлать нам походным седлом
И помчаться марш-маршем, чтоб снова
Нам померяться с дерзким врагом?
Чтоб в боях за величье России
И за старую Русскую честь
Нам в родной и знакомой стихии
Показать свою силу и месть.
Я, как пленник, стремлюся на волю,
Я, как странник, скитаюсь во мгле,
Я тоскую по бранному полю
И по Русской любимой земле.
1926 г.

Тост

Я пью за наш трехцветный стяг!
Пусть снова гордо он взовется,
Пусть снова Русь под ним сберется
И да придет к нам вновь варяг.
Я часть Руси на южных гранях моря:
Со мной мой меч и черный долман,
Портрет Царя, как вечный призрак горя,

И в сердце след от пережитых ран.
Я часть Руси, которую невзгода,
Как мяч, забросила за море-океан,
Я верный сын великого народа,
Солдат душой и дней былых баян.
1926 г.

Мечты гусара на вулкане

Я здесь одинок на вулкане,
Мечтаю о прошлом, войне,
И снова далекую пани
Я ночью увидел во сне.
Вот фольварк, где мы отдыхали,
Здесь ласково встретили нас.
Гусары коней поседлали —
Уж пробил назначенный час.
Себя заставляю я силой
Веселое сделать лицо,
Прощаюсь с хозяйкою милой
И быстро иду на крыльцо.
«Прощайте!» С улыбкой, как чары,
Успела лишь ручкой махнуть,
Как снова лихие Гусары
В опасный пустились путь...
С тех пор изменилось так много,
Дни жизни походной прошли
И лишь на чужбину дорога
Защитнику Русской земли.
Теперь я живу одиноко
В чужой, в незнакомой стране,
Но в полночь за Вартой, далеко,
Мне грезилась пани во сне.
1926 г.

Гусар на вулкане

Хорошо у меня на вулкане,
Где вдали от вражды и страстей,
Я живу, как в чудесном романе,
Лишь с мечтою волшебной моей.
Ветер шепчет мне дивные сказки,
Тучи ходят ко мне на поклон,
По утрам мне эфирные краски
На востоке дарить небосклон.
И трубят и гудят сольфатары,
Извергая клубящийся пар,

Как в минувшие годы фанфары
В Лету канувших Черных Гусар.
Кратер, в виде гигантской подковы,
Извержения тайну хранит
И лежат на нем лавы оковы
И, как золото, сера блестит.
Если ж тучи внезапно заплачут,
Засверкают зигзаги огней,
Водопады, как серны, поскачут,
Пробираясь меж скал и камней.
Близ бивака, в лесу орхидеи,
Кружева бесконечных лиан,
Ночью звезды во тьме, как камеи,
Как Бессмертных Гусар доломан.
Мне поет о любви серенады
Соловьев экзотических хор
И трещат мне легенды цикады,
По цветам совершая дозор.
А колибри, такие малютки,
Не страшась, подлетают ко мне,
И сгорают за сутками сутки
В солнца вечного ярком огне.
Лишь порою лазурные дали,
Где безбрежный лежит океан,
Мне напомнит о вечной печали
И окутает душу туман.
Хорошо у меня на вулкане,
В ясный день он красив без прикрас,
Я живу, как в чудесном романе,
Но... на родине лучше в сто раз.
1926 г.

Родине, дорогой и всегда любимой.

Ни за звонкий металл, ни за блага земли,
Я тебе изменить не желаю,
И где предки мои родились и росли
Там душой я своею витаю.
Где могилы отцов, где могилы друзей,
Павших в честных боях со врагами,
Там не может не быть у скитальца связей -
Он прикован к стране той цепями.
За тебя-ль не учил я молитвы читать
И шептать их устами дитяти,
За тебя-ли не шел на войну умирать
Я в рядах нашей доблестной рати?
Не тебе-ли клялся я служить до конца,

Защищать твоё счастье и славу
И уехал в изгнание по воле Творца
После долгой борьбы я на Яву?
За тебя-ль не готов ещё раз на борьбу
И, не зная душою покоя,
Я несущу на плечах роковую судьбу
Революции Русской изгоя.
И в чужой стороне, где созвездье Креста
Блещет ночью на чуждом мне небе,
О тебе ль не молю Милосердья-Христа
Прежде чем о насущном мне хлебе?
Ты распята, как Он за чужие грехи,
Но наступит ещё воскресенье
И краснеть будут те, кто сменили вехи
И не верят в твоё возрождение.
Нет, за звонкий металл и за блага земли
Я обетов своих не нарушу
А за храмы твои, за святые кремли
Я отдам мою Русскую душу.

1927 г.

Я поздно родился...

Я поздно родился — на целое столетие!
Моей душе мила седая старина:
Тогда б не видел я години лихолетья,
А славу родины и дни Бородина.
Тогда б, вступив в Париж, где русские знамена
Так гордо реяли, забыв Москвы пожар,
Поставил часовых в дворце Наполеона
Из бравых усачей и доблестных гусар.
В бою перед врагом не ведая бы страха,
Я б на защитный цвет смотрел как на обман,
И в дни лихих атак, как и во дни Кацбаха,
Всегда б горел на мне блестящий доломан.
Честь рыцаря храня, не ведал бы о газе,
Мой враг бы не взлетал, как хищник, в облака,
И на груди моей, как трещины на вазе,
Покоились следы дамасского клинка.
Тогда б не видел я печальных дней «свободы»,
Всю грязь предательства и весь позор измен,
Кошмарный большевизм и униженья годы,
И голод на Руси и всенародный плен.
Тогда б не слышал джаз, не видел бы чарльстона,
Из недра Африки прокрававшегося в свет,
А под любимый звук «малинового звона»
Мазурку б танцевал иль плавный менуэт.
И жизнь моя была б так сказочно прекрасна,

Я знал бы цель ее — Россия, Царь и Бог!
И если б умер я, то умер не напрасно,
За родину в бою отдав последний вздох.
Тогда б я не влачил печальных дней изгоя,
Как тень минувшего, как «бывший» человек,
А гордо бы стоял в рядах родного строя...
Я поздно родился, я опоздал на век!
Дорогой, всегда любимой
Ни за звонкий металл, ни за блага земли
Я тебе изменить не желаю,
И где предки мои родились и росли
Там душою своей я витаю.
Где могилы отцов, где могилы друзей,
Павших в честных боях со врагами,
Там не может не быть у скитальца связей
Он прикован к стране той цепями.
За тебя ль не учил я молитвы читать
И шептал их устами дитяти!
За тебя ли не шел на войну умирать
И в рядах нашей доблестной рати!
Не тебе ли я клялся служить до конца,
Защищать твои счастье и славу,
И уехал в изгнание по воле Творца
После долгой борьбы я на Яву?
За тебя ль не готов еще раз на борьбу,
И, не зная душою покоя,
Я несу на плечах роковую судьбу
Революции русской изгоя?
И в чужой стороне, где созвездье Креста
Блещет ночью на чуждом мне небе,
О тебе ль не молю Милосердца Христа
Прежде, чем о насущном мне хлебе?
Ты распята, как Он, за чужие грехи,
Но наступит еще воскресение!
И краснеть будут те, кто сменили вехи,
Кто не верил в твое возрождение.
Нет! За звонкий металл и за блага земли
Я обетов своих не нарушу,
И за храмы твои, за святые кремли
Я отдам свою русскую душу.
1927 г.

* * *

Плачьте ж, рыдайте, печальные струны,
Лиры печальной моей —
Русь погибает во власти коммуны.
Плачьте, рыдайте по ней.

С горем спозналась она, дорогая,
С горем, с великой нуждой.
И переполнилась с края до края
Гневом и братской враждой.
Плачьте ж, рыдайте, печальные струны,
В сумраке этих ночей,
Бога молитесь — «да сгинут коммуны,
Цепи Руси палачей!»
1927 г.

* * *

Я эту ночь не спал — мне грезилась Россия
И революции кровавый карнавал,
Низверженный Монарх и Новая Мессия —
Свобода. Горькая... Я эту ночь не спал.
Мне грезился народ, обманутый врагами,
Лилась кровь рекой, был слышен лязг кандал,
Я видел мертвецов несчетными рядами,
Я видел сущий ад и эту ночь не спал.
Я эту ночь не спал — мне слышались звуки
Терзаемых людей и, не сомкнув очей,
Я видел, как во мгле, убийц Царевых руки
И банду красную кремлевских палачей.
1927 г.

На вулкане

Чуть брызжет полоска рассвета с востока,
Кругом облаков океан
И словно как остров над ними высоко
Поднялся главою вулкан.
Гляжу я на дивно прекрасные краски
И вдруг, молниеносной мечтой,
Я вдаль убегаю и вмиг, точно в сказке,
Я там, за запретной чертой.
Я там, далеко за пределом туманов,
Куда всей душой я стремлюсь,
Где нету ни зноя, ни пальм, ни вулканов,
Но где моя родина Русь.
Чужбина, хоть ты благосклонна к изгою,
Но все ж не по сердцу ты мне —
Здесь звезды чужие горят надо мною
На небе в ночной тишине,
Здесь песен мне слышатся чуждые звуки,
Чужой здесь народ и язык
И счастью в замену здесь горечь разлуки
Со всем, к чему с детства привык.
1927 г.

Привет с вулкана.

С вершины дикого вулкана,
Где я сижу, как часовой,
Я, вижу дали океана
И волн кочующих прибой.
О, волны, волны голубые,
Откуда держите вы путь?
Вы страны видели какие
И где хотите отдохнуть?
Вы без отчизны, без изгнанья,
С душой холодной всегда,
Не гложут вас воспоминанья,
Ничто вам вечность и года.
У вас нет счастья и горя,
Бы без заслуг и без вины
И средь пространств безбрежных моря
Как прихоть ветра рождены.
Ничто вас в жизни не тревожит,
Любовь и злоба чужды вам,
Вас только буря тронуть может
И вы — летите к небесам...
А я, как тысячи собратий,
Ушел от милых берегов,
От крови, стонов и проклятий,
От страшных дьявола оков.
Но рай чужой, родные дали
Затмить не сможет никогда —
Они блещут, как луч в кристалле,
Хотя с тех пор прошли года.
Вдали от родины и света
Во сне я часто вижу Русь,
Я к ней лечу мечтой поэта
О, ней, страдальце, молюсь.
Увы. Мои подбиты крылья,
Мой меч не может ей помочь:
Напрасны были все усилия,
Уж десять лет как длится ночь.
Но верю я, как верю в Бога,
Наступит солнечный рассвет
И ляжет ясная дорога
Пред ней на много, много лет.
И я вас, волны, умоляю,
Прошу вас именем Творца,
Снесите вы родному краю
Привет далёкого певца,
То с белой, грозной сединою,

То полны дивной синевы,
Играя с солнцем и луною,
Катитесь вы к брегам Невы
И ей скажите: с дальней Явы,
Где грозный высится вулкан,
России счастья и славы
Желает всей душой баян.
1927 г.

Привет

Гляжу я, как пенится море,
За валом вздымается вал,
А в сердце тоскующем горе,
Как в ране с отравой кинжал.
Вал грозный и самый высокий.
Преград тебе на море нет —
Снеси же на север далекий
Любимой России привит.
Скажи, что ее, дорогую,
Я вижу в заманчивой мгле,
Что я бесконечно тоскую
По русской любимой земле;
Что мнить я себя не желаю
В прекрасной стране, но чужой,
И небо всегда умоляю,
Что б дало России покой.
Когда, же наступит то чудо,
Воскреснет великая Русь,
Как вал беспреградный, отсюда
Я тоже на север помчусь.
1927 г.

Царедворцам.

Я вам пишу, холодные вельможи,
Вы, как удав, давили царский трон,
Вы, как змея, свои меняли кожи,
Забыв, что есть возмездия закон.
Я вам пишу — не вы ль отлично знали,
Какой готовите монарху вы удел,
Когда в салонах сплетни распускали,
Язвив Того, Кто лаской вас согрел.
Вы знали — ложь губит сильнее яда.
В момент войны она, как злая тень,
Ползла змеей от вас из Петрограда
По всей Руси, до дальних деревень.
Теперь судьбы познавшие удары,

Вдали от родины, свою спасая честь,
Вы пишете большие мемуары —
В них много лжи, но правды мало есть.
Я помню год, который был так смутен,
Который дал России тьму невзгод,
Но революцию не создал бы Распутин,
Когда б царя, как прежде, чтит народ.
И если б вы монарху верны были,
Как долг велит придворному лицу,
Когда б о Нем вы правду говорили,
Мы не пришли б к печальному концу.

1927 г.

Украино

Не спеши отойти от России —
Кровь течет в наших жилах одна
И шумят понапрасну витии,
Что иная ты вовсе страна.
С той поры, как пришли к нам варяги,
Бросив скал скандинавских гранит,
Гордо взвились русские стяги,
Так преданье о том говорит.
У холма, где Аскольда могила,
В этом прадедов честью клянусь,
Пробудилась славянская сила,
Расцвела наша матушка Русь.
Не под стягом ли князя Олега
С Византии собрали мы дань,
Разбивали в степях печенега,
Ткав истории пышную ткань?
Здесь познали впервые мы Бога
И, душою вторично родясь,
Здесь княжил справедливо и строго
Володимир наш Солнышко-князь.
Киев был чисто Русской столицей,
Днепр - первую Русской рекой,
Разъезжал здесь с своею палицей
Наш Илья, богатырь вековой.
Всяк, кто был преисполнен отваги,
Кто о злате мечтал и серебре,
За ковшами пенящейся браги
Собирался на княжьем дворе.
И не зная презренного страха
По рекам уходили бойцы
И гремела с времен Мономаха

Русь отсюда на мира концы...
Время шло, как мелькают страницы,
Киев стал у подножья Москвы,
А потом две старушки столицы
Преклонились пред чудом Невы...
Над Петром чтоб добиться победы,
Его взлета боясь, как чумы,
Волновали коварные шведы
Малороссии верной умы.
Но примером горя Кочубея,
Ты Иуды пример не взяла
И, единую душу имея,
Ты с Москвой, как с сестрою жила.
А вражда? То врагов лишь усилья,
Их востока смущал ореол,
Где раскинул могучие крылья
Наш двуглавый с короной орел.
И с надеждой коварною втайне,
Чтобы душу твою отравить,
Они шепчут о вольной Украине,
Чтобы наше единство разбить.
Но враги хоть коварны, да слепы —
Нас сковали и кровь и века
И казнят за идеи Мазепы
Их воскресшей России рука.
Мы с тобою единая сила
И, пройдя лихолетья этап,
Все останется прежде как было:
Ты хохлушка, я русский кацап.

1928 г.

Желание.

Создать бы гимн такой, чтоб в небе тучи
Разверзлись вмиг, дорогу звукам дав,
В своем движении застыл зефир летучий,
Услышав песнь торжественных октав.
Создать бы гимн, чтоб камни задрожали,
Чтоб звук его достиг Небес Творца,
Чтоб повернуть истории скрижали
И растопить холодные сердца.
Чтоб звук его проник в страну полночи,
В страну кремлей и бесконечных нив,
Чтоб Русь, красавица, свои открыла очи,
Улыбкой ясною баяна озарив.

1928 г.

Инвалидам

Грустить вам, родные, не надо,
Как брат вас утешить берусь —
Вам чистая совесть награда,
Вы честно сражались за Русь.
Теперь, когда в чуждые страны,
Ушли вы, чтоб молча; страдать,
Вам ваши глубокія раны
Послужат, как чести печать.
Теперь и на родине бедно
Под крышей разрушенных сел,
Но скоро взовьется победно
Над Русью Двуглавый орел.
Домой вы вернетесь, братья,
Чтоб лавры героев пожать
И мать вам откроет объяття,
Любимая родина-мать.
Пока-же священное пламя
Любви к ней носите в груди,
Как некогда Русское знамя
В боях вы несли впереди.

1928 г

Подайте им.

Вдали от родимого края,
От родины милой вдали,
Разбросана храбрая стая
Защитников Русской земли.
Они за нее, как умели,
С врагами сражались не раз
И песни орлиные пели
В победы торжественный час.
Порою друзей хоронили
Под шелест старинных знамен
И верны, как рыцари, были
Традициям лучших времен.
А в грустные эти години,
Они, проливавшие кровь,
Хранят на задворках чужбины
Святую к отчизне любовь.
Она в них заложена Богом.
И выросла в недрах души,

Став твердым оплотом во многом
Живущим в безвестной глуши.
Там просят страдальцы у Неба,
Моляся разбитой рукой,
Краюшку насущного хлеба,
Да телу больному покой.
Так вы, кто сгублен врагами,
Ужель не хотите подать,
Тому, кто, как нищий пред Вами,
Но с гордостью может стоять?

1928 г.

Русь, проснись!

По декрету товарища Ленина
Из глубин императорских зал
Ты у стенок тюремных расстреляна
И заброшена в мрачный подвал.
Там лежишь ты, штыками изранена,
Догорая, как в небе заря,
И забыла Ивана Сусанина
Снарядить для спасенья царя.
Комиссары, что воры из Тушина,
Дикой воле не знают границ,
Православная церковь задущена,
Взяты пастыри в недра темниц.
Все короны распроданы царские
И пошли на уплату измен...
О, придите, придете ж Пожарские,
Вновь явись патриарх Гермоген.
Русь! Не вся ж ты врагами замучена,
Соберись на священную брань,
Словно море вскипи взбаламучено,
Против дьявола ига восстань.
Встань из праха и грязи, распутница,
Развернись во всю русскую ширь.
Не с Тобой ли Мария-Заступница
И Георгий — святой богатырь?
От князей ты Донского и Невского
Перед битвой получишь совет,
От Сергия придет Радонежского,
Как в былые года, Пересвет,
И собьешь ты оковы мучителей,
Что сковали могучую грудь,
И пойдешь по стопам победителей
На широко расчищенный путь.

Все границы, что так перекроены,
Чтоб державный замедлить полет,
Вновь исправят с молитвою воины —
Сам Суворов штыки их примкнет.
Нарядившись в кокошник жемчуженный,
В свой расшитый цветной сарафан,
Древнерусскою сеткой кольчуженной,
Ты от новых прикроешься ран.
Вся слезою омытая чистою,
Приподняв соболиную бровь,
Под фатою своей серебристою
Будешь первой красавицей вновь.
Тучный колос взойдет с поля дикого,
С братской кровью пропитанных нив,
Прыгнет выше Ивана Великого
Медный Всадник... змею раздавив.
1928 г.

Родине.

Люблю тебя, страна родная!
Я с детства чуткою душой
Тебя познал, еще не зная,
И был всегда сын верный твой.
Любил народные былины,
Твою седую старину,
Простор полей, снега и льдины
И леса девственного тьму.
Любил печальные напевы,
Избушек серых долгий ряд
И бесконечные посевы
И зимний сказочный наряд.
Любил я в праздник перезвоны
Твоих бесчисленных церквей
И старописные иконы
В стенах задумчивых кремлей.
Любил я царские дружины
И тихий шелест их знамен.
О, Русь! Я был в твои седины,
И в славу Русскую влюблен.
А ныне, брошенный судьбою
На остров в море-океан,
Всегда, всегда в мечтах с тобою
Твой верный ратник и баян.

1928 г.

Венок на могилу старого Александрийца

Ты пал, Гусар, на поле славы,
Сраженный вражеской рукой,
Ты крепко спишь в тени дубравы
В могилке скромной над рекой.
Наш Полк родной в разгаре битвы
С тобой проститься не успел,
Но, сотворив в душе молитвы,
Ответил грудой вражьих тел.
Мы долго дрались и страдали,
Как вдруг... сорвался звук фанфар,—
Иные песни зазвучали...
Теперь в Самаре нет Гусар.
Исчезло все, что было свято,
Как сон, исчез Бессмертный Полк
И брат восстал с мечом на брата
И горло грыз ему, как волк.
Ты счастлив, пав в пылу сраженья,
Тебе неведомы те дни,
Когда, по воле Провиденья,
Погасли светлые огни:
Когда над Русью необъятной
Взвился крамолы красный бес
И в пляске дикой и развратной
Орел наш царственный исчез;
Тебе неведом яд печали,
Терзавший храбрые сердца,
Когда штандарт наш зарывали
В аллеях старого дворца.
Тебе неведомы страданья
Забытой Господом земли,
Все муки ада и рыданья,
Когда снимались корабли...
Быть может, набожной рукою
Твой скромный крест в цветы одет
И спишь ты тихо над рекою,
Гусар давно минувших лет.

1929 г.

Мечты гусара

Я не горжусь пред шумным светом,
Мне нечем перед ним блистать,
Меня никто не чтит поэтом,
Но все же я могу сказать,

Что Богом данного таланта
В чужих краях не зарывал,
И в жалкой доле эмигранта
Всегда о родине мечтал.
1929 г.

Годы льются своей чередою,
Но чем дальше семнадцатый год,
Тем ясней путеводной звездой
Ты сияешь над морем невзгод.
От тебя не осталось и праха,
Нет могилки – лишь горя курган!
За тобой воцарилась плаха,
Сатана и "великий обман".
И запишут историки в были
Нашей Русской великой земли:
По тебе панихиды служили,
Но отпеть никогда не смогли...
Пред тобой, оклеветанным светом,
Павшим жертвой за честь и народ,
Вместо праха пред этим портретом
Мы склоняемся из года в год...
У Всевышнего молим прощенья:
"Всемогущий! Прости, не карай!
Дай узреть нам Руси воскресенье,
А Царю убиенному – рай".
1930 г.

Дума

Что завещать на память внуку?
О чем мне Господа молить?
Развеять как унынья скуку
И жажду счастья утолить?
Но в чем оно во дни заката?
В каком желанье иль мечте?
В могиле нам не надо злата,
Оно – в духовной красоте!
Вот почему, когда не спится,
На небо выплывет луна,
Я о тебе хочу молиться,
Моя любимая страна.
И верить хочется до боли,

Что загорится вновь заря,
Заря счастливой русской доли
Под скиптром Белого Царя.
1930 г.

Кто мы?

Кто мы такие?
Мы чести хранители
Русской, великой земли.
Нас из родимой,
любимой обители
Вдаль завезли корабли.
Мы - это те, кто открыто
за Царские
Борется стойко права,
Дороги Минины нам
и Пожарские,
И Гермогена слова.
Здесь, в зарубежье,
орлами над бездною
Наши отряды парят,
Там, далеко,
за стеною железною,
Силы народные спят!
Час приближается,
с помощью Божией
Встанет Россия от сна:
Мощным потоком
к престола подножию,
К правде польется она...
1930 г.

Памяти певца двуглавого орла генерала от кавалерии П. Н. Краснова

Не видать нам могилы Краснова,
Не служить панихиды над ней –
В вечность кануло белое слово
Наших буднично-беженских дней.

Не видать казакам атамана,
Сокол сделал последний полет,
Не напишет он больше романа,
Что за сердце и душу берет.

Над его неизвестной могилой
Где-то там, далеко под Москвой

Будет плакать лишь ветер уныло
Да клониться бурьян головой.
1930 г.

Наступит день...

Наступит день, я верю в это —
День смерти призрачных свобод,
«Христос воскрес» среди лета
От счастья запоет народ.
Он разорвет обмана сети,
Ему простится кровь Царя,
И став душою чист, как дети,
Он жизнь начнет, добро творя.
Закроет Русь грехов страницу,
Залечит язвы старых ран
И сменит горя власяницу
На пышный счастья сарафан.
Царь Всероссийский и природный
Взойдет на прадедовский трон
И к общей радости народной
Воскреснут Правда и Закон.
Вновь будет крест сиять в столице,
Как славы Божьей ореол,
А на столбах Руси границы,
Как прежде — царственный орел.
«Если порою взгрустнется...»
Если порою взгрустнется,
Ляжет на сердце печаль,
Дума стрелой пронесется
К Северу милому, вдаль.
Где вы, поля золотые
Богом забытой страны?
Кто погрузил вас, родные,
В эти печальные сны?
Сколько народа побито,
Пролило крови и слез?
Вся ты печалью повита
В прахе разрушенных грез...
Только и дышишь в надежде —
Вспрянет родная страна,
И засверкает, как прежде,
В солнечном блеске она.
Темная ночь пронесется,
Снова заблещут кресты,
Божия милость прольется
С синих небес высоты.
Снова янтарною рожью
Пахарь наполнит гумно,

Снова по-русски, по Божьи,
Будет нам жить суждено.
1947 г.

Завет

Я умру, как и все в поднебесной,
В Богом точно назначенный год,
И в могиле, глубокой и тесной,
Свой последний закончу поход.
Мне цветов на могилу не надо —
Лучше горсточка Русской земли,
То для воина будет награда:
Мнить себя от родной не вдали.
Чтоб Небесная Сила хранила,
Положите на грудь образок,
Русский флаг, что душа так любила,
И заройте в прибрежный песок.
Его множество раз целовала
И ласкала морская волна,
Та, что с Севера к нам забегала
Из краев, где родная страна.
Для могилы из травки ограда
Да из дерева крест хороши.
Монумента над нею не надо —
Лучше дать инвалидам гроши.
Все равно не вспомянет потомок,
Что лежит здесь России певец,
Для него я бывшего обломок
Да печальной страницы конец.
Но когда разойдутся туманы,
Станет Русь наша снова святой,
Рифм воздушных моих караваны
Кто-нибудь да прочтет со слезой.
1955 г.

Последний привет и последнее слово баяна.

Не ликуйте, враги, что меня больше нет,
Знаю я - вы меня не любили.
Вам мила была ночь, я стоял за рассвет,
Хоть и видел, что вы победили.
Но я верил, что ваша эпоха пройдет,
Канут в вечность лжи вашей успехи,
Солнце красное снова над Русью взойдет,
Будет правда сиять без помехи.
Не печальтесь, друзья! Это общий удел...
Помолившись, сберитесь на тризну
Да припомните то, что баян вам пропел,
Вспоминая царя и Отчизну.

Что же делать, друзья? Жизнь уж так создана,
Что душа только жить будет вечно.
Поднимите повыше бокалы вина -
Всем вам счастья желаю сердечно!
А когда над родимой заблещет рассвет
И взовьется орел наш державный,
Передайте баяна последний привет
На просторы Руси православной.
1960г.

Источники:

Петрушевский В. А. « Над Амуром», Хабаровск, 1912 г.

Петрушевский В. А. « Родине», Париж, 1930 г.

Е. Кравченко, " Царская Сотня", « Белое дело», № 18, 1935 г.

« В. А. Петрушевский: поэт, патриот, солдат, вулкановед, книголюб, нумизмат, общественный деятель». Сидней, 1966.

Журнал " Турне", № 1, Хабаровск, 2004 г.

Илл. худ. Львова П. И. (1882 – 1944 гг.) 1913 – 1918 гг.